

ПРОЦУН С.С.

ассистент кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия»

О ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МГП В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ С УЧАСТИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Новая эра в международных отношениях на заре третьего тысячелетия, к большому сожалению, началась с печально известных событий 11 сентября 2001 года в США. Человечество столкнулось с новым перечнем глобальных угроз, среди которых угроза глобального терроризма является определяющей.

Именно резкий рост опасности террористических актов и значительный вред, наносимый ими не только отдельным лицам и государствам, но и всему международному сообществу заставили международно-правовую мысль уделить значительное внимание проблемам борьбы с терроризмом. Как указывает М.Е. Черкес, отсчет современного международного права начался именно 11 сентября 2001 года¹. По мнению Т.Р. Короткого, угроза террористических атак привела, среди прочего, к переосмыслению существующего понимания терроризма и правового регулирования борьбы с ним².

Необходимо отметить, что наиболее значимое место в проблеме борьбы с терроризмом в смысле международного гуманитарного права, занимает вопрос о применимости или неприменимости норм МГП к такой борьбе. Данное утверждение связано, прежде всего, с тем, что международное гуманитарное право призвано защитить лиц принимающих участие в вооруженном конфликте, минимизировав при этом их страдания. Все остальные проблемы, в том числе проблема статуса участников международных террористических группировок, вопрос о возможности нарушения прав человека для повышения эффективности контртеррористических действий и осталь-

¹ Черкес М.Е. Международное право после 11 сентября 2001 года // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 6.

² Короткий Т.Р. К вопросу о правомерности применения термина «незаконный комбатант» // Альманах международного права. – 2009. – № 1 – С. 217.

ные являются производными от проблемы применимости норм международного гуманитарного права.

Общепризнанным является то, что нормы МГП применимы лишь во время вооруженного конфликта международного или немеждународного характера. По этой причине, ключевым становится вопрос о признании или непризнании борьбы с терроризмом вооруженным конфликтом в смысле права Женевы. Данная статья является попыткой очертить определенные пути решения этого вопроса. Анализируя имеющиеся международные документы и доктрину МГП, сложившуюся после событий 11 сентября 2001, мы попробуем, во-первых, выяснить можно ли признать борьбу с международным терроризмом вооруженным конфликтом в смысле права Женевы, во-вторых, определить основу для такого определения, в третьих, осветить возможные пути развития международного гуманитарного права в связи с необходимостью урегулирования борьбы с терроризмом его нормами.

Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним определяют, что временная сфера их применения ограничивается временными рамками вооруженного конфликта. Так, Женевская конвенция I устанавливает следующие условия для ее применения: «в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в случае, если одна из них не признает состояния войны»¹. Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям распространил их действие на конфликты немеждународного характера: «данный протокол ... применяется ко всем вооруженным конфликтам, не подпадающим под действие статьи 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и таких, которые происходят на территории любой Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые находятся под ответственным командованием и осуществляют такой контроль над частью ее территории, что позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».

Как видим, применение этих норм в ситуации, объявленной мировым сообществом «войной с терроризмом» является крайне проблематичным, причем это касается как норм, применимых к конфликту международного характера, так и норм, касающихся конфликта немеждународного характера, поскольку Протокол I прямо указывает на то, что боевые действия должны проходить на территории одной из договаривающихся сторон между вооруженными силами этого государства и другими организованными вооруженными группами, контролирующими определенную часть

¹ Конвенция (I) об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях 1949 года: сб. норм. документов / упоряд. А.В. Трояновский, Ю.В. Чайковский. – О.: Феникс, 2009.

территории. Более того, ни терроризм как таковой, ни одну из существующих террористических организаций нельзя признать стороной, способной применять Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним. Из этого следует, что международный терроризм принципиально не может рассматриваться как сторона в конфликте, по крайней мере с точки зрения классического международного гуманитарного права.

Как отмечают А.П. Бычковский и Ю.М. Жигунова, современный терроризм характеризуется неопределенностью субъектного состава исполнителей и заказчиков и неопределенностью требований¹. Террористические группировки не представляют единой структуры, не контролируют заметных территорий, а причины, побуждающие определенные человеческие группы прибегать к террористическим методам могут быть очень разными: от борьбы за независимость до религиозного фундаментализма. Фактически, международный терроризм является лишь методом, тактикой борьбы, которую выбирают участники конфликта, слишком слабые для ведения открытых боевых действий. Создание террористических организаций и групп здесь являются не причиной, а следствием слабости таких групп и частью их тактики.

Террористические действия следует разделять на те, которые осуществляются в пределах одной страны и такие, которые осуществляются в рамках двух или более стран. В первом случае речь идет о борьбе террористических группировок против «своего» государства, примером чего может служить деятельность группировки ЭТА в Испании. Противостояние внутригосударственному терроризму, очевидно, должно быть урегулировано внутренним законодательством государства, а участники террористических организаций должны рассматриваться как обычные уголовные преступники. Деятельность таких террористов не представляет интереса с точки зрения международного гуманитарного права, если только они не контролируют определенной территории и к ним не применяются правила Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям. В другом случае, т.е. в случае, если деятельность террористической организации охватывает территорию более чем одной страны, можно говорить собственно о международном терроризме, тем более, что существование разветвленных международных террористических организаций становится возможным благодаря поддержке их деятельности правительствами отдельных стран².

¹ Бичківський О.П., Жигунова Ю.М. Борьба з міжнародним тероризмом з точки зору політики і права // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 50.

² См. подробнее: Гринчак В.А. Проблеми кваліфікації злочину тероризму у міжнародному праві // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 60.

Необходимо отметить, что к 2001 году международный терроризм рассматривался преимущественно как уголовное преступление международного характера. Такой подход применен, например, в Декларации ООН о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994¹ или в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997². Однако, в сентябре 2001 года, ситуация кардинально изменилась, во-первых, из-за негодования мирового сообщества по поводу неслыханных ранее актов насилия со стороны международного терроризма, во-вторых, из-за позиции США. Стала очевидной неэффективность имеющихся международных инструментов, направленных на борьбу с терроризмом. Как справедливо отмечает М.Е. Черкес, «многочисленные предыдущие антитеррористические конвенции, резолюции и декларации больше напоминали «грозные китайские предупреждения», над которыми... потешался весь мир из-за их бесполезности»³. Победить мировой терроризм с помощью таких «потешных» мер оказалось невозможным, и первыми об этом факте открыто заявили США. Сразу после атак 11 сентября по инициативе администрации Дж. Буша была сформирована широкая антитеррористическая коалиция, которая провозгласила мировому терроризму войну, в том числе, право США осуществлять односторонние силовые акции по всему миру без санкции ООН⁴. Такая практика, очевидно, не соответствовала международно-правовым нормам.

ООН отреагировала на атаки 11 сентября в своем обычном стиле, то есть путем принятия торжественных, но недейственных актов. Так, Резолюция Совета Безопасности ООН 1368 (2001) от 12 сентября 2001 отразила скорее эмоциональную реакцию Организации на события предыдущего дня, нежели стройную юридическую позицию, однако именно обтекаемые формулировки этой резолюции дали основание для нового понимания борьбы с терроризмом, как вооруженного конфликта международного характера⁵. Такая позиция основывается на очень широком толковании положения Резолюции о признании «неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом»⁶. Данное право

¹ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Утв. Резолюцией ГА ООН от 9.12.1994 Ст. 1. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: свободный <http://www.un.org/russian/document/declarat/terrdec1.htm>

² Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, ст. 2. / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: свободный <http://www.un.org/russian/document/convents/bombing.htm>

³ М.Е. Черкес. Указ. соч. – С. 7.

⁴ Ярмаки В.Х. Терракты 11 сентября – удар по международному праву? // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 262.

⁵ Короткий Т.Р. Указ. соч. – С. 205.

⁶ Резолюция СБ ООН S/RES 1368 (2001), <http://www.un.org/russian/document/sresol/res2001/res1368.htm>

действительно закреплено статьей 51 Устава ООН, однако оно, очевидно, касается международных конфликтов, поскольку другие просто не были определены ни в международных документах, ни в доктрине, существовавшей на момент принятия Устава ООН¹. Тем не менее, именно на вышеуказанную резолюцию сослались США, заявляя, что после террористических атак 11 сентября они оказались в состоянии вооруженного конфликта международного характера с негосударственным актером, коим является Аль-Каида². Активное применение США этой доктрины привело, в том числе, и к ряду конфликтов международного характера, в том числе, операций США в Афганистане и Ираке.

Возникла ситуация, в которой международные вооруженные конфликты в смысле Женевских конвенций и Дополнительных протоколов возникали как части вооруженного конфликта, который не может быть никак юридически квалифицирован с помощью этих конвенций и протоколов. Доктрина международного гуманитарного права была вынуждена осмыслить сложившуюся ситуацию, при отсутствии удовлетворительного международно-правового регулирования «войны с терроризмом», что не могло не привести к противоречивым толкованиям этого явления. Так, Президент Международного Комитета Красного Креста Я. Келленбергер заявил, что «когда борьба с терроризмом принимает форму вооруженного конфликта, государства обязаны соблюдать принципы международного гуманитарного права»³. Советник по правовым вопросам Правового управления МККК Г. Рона утверждает: «некорректно считать, что признание за США права защищать страну от тех, кто подготовил террористические атаки 11 сентября равнозначно объявлению «войны»... подозреваемые в терроризме, захваченные в связи с реальным вооруженным конфликтом ... могут содержаться в соответствии с международным правом вооруженных конфликтов, также известным как международное гуманитарное право. В обратном случае, к ним становятся применимы другие правовые нормы, такие как местное и международное уголовное законодательство, а также право прав человека»⁴. Такую позицию, высказанную высшими должностными лицами МККК нельзя назвать иначе, чем «прятаньем головы в песок». Можно понять их желание сохранить незыблемость современной системы

¹ Черкес М.Е. Использование силы в международных отношениях // Альманах международного права. – 2009. – № 1. – С. 110.

² Sassoli M. The status of persons held in Guantanamo under international humanitarian law // Journal of International Criminal Justice, No 2(1), 2004, p. 97

³ Келленбергер Я. Ни одна война не может быть выше международного гуманитарного права / Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: свободный, <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/iwpList99/280C5DE6F31A8AFCC1256F3300489A14>

⁴ Рона Г. «Война» не оправдывает Гуантанамо / Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: свободный, <http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/6NYGX3>

международного гуманитарного права, но это фактически означает, что борьба с терроризмом и дальше не будет признаваться вооруженным конфликтом. Вследствие такого непризнания становятся возможными грубые нарушения норм международного права прав человека и, наконец, и самого международного гуманитарного права, которое чиновники МККК так ревностно стараются защитить.

Профессор Лейденского университета Ф. Кальсховен отмечает, что основной целью международного гуманитарного права является облегчение человеческих страданий, причиненных войной¹. Однако государства получают возможность не выполнять нормы МГП путем непризнания самого существования вооруженного конфликта². Это, в свою очередь, делает возможным грубые нарушения прав человека во время проведения контртеррористических операций и, при условии игнорирования конфликта международным гуманитарным правом, приводит к увеличению человеческих страданий, а не к их уменьшению³. В качестве примера можно привести проблему так называемых «незаконных комбатантов», содержащихся на военной базе США в Гуантанамо Бей. На этих лиц не распространяется защита, предоставляемая Женевскими конвенциями, ведь подавляющее большинство из них не может быть признана военнопленными с точки зрения права Женевы. А поскольку эти лица находятся вне территории США, эта страна не распространяет на них свою правовую защиту, что приводит к тому, что удерживаемые лица оказываются вообще вне всякого права⁴. Более того, отсутствие признания борьбы с терроризмом вооруженным конфликтом международного характера приводит к тому, что положения резолюции ООН оказываются «подвешенными в воздухе», а провозглашенная США «война против терроризма», словно, вообще не существует.

Складывается впечатление, что страны-жертвы атак международных террористических группировок не имеют права на самооборону, что прямо противоречит положениям Устава ООН. Конечно, на практике это право реализуется, примером чего может быть, в том числе, операция США в Афганистане, однако реализуется она в соответствии не с нормами международного права, а как результат политической воли американского руководства, с которой согласился Совет Безопасности ООН. Так, «война против мирового

¹ Кальсхофен Ф. Ограничения средств и методов ведения войны / Ф. Кальсхофен – М.: Международный Комитет Красного Креста, 1999. – С.1.

² Лисик В.М. Збройні конфлікти ХХІ століття і діяльність Міжнародного Комітету Червоного Хреста // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С.164.

³ См. подробнее: Дрёмин В.Н. Борьба с международным терроризмом в контексте прав человека // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С.73-75.

⁴ Короткий Т.Р. Указ. соч. – С. 208.

терроризма» превратилась в непризнанный вооруженный конфликт между США и Афганистаном (а позднее между США и Ираком), что создало крайне опасный прецедент вооруженного вмешательства одного государства во внутренние дела другого, причем это вмешательство провозглашается не вооруженным конфликтом, а контртеррористической операцией. Итак, формальная возможность не соблюдать нормы МГП существует даже в изложенном Я. Келенбергером «идеальном» случае борьбы с терроризмом как борьбы одного государства против другого. Полную абсурдность ситуации придает то, что сами США считают борьбу против мирового терроризма именно вооруженным конфликтом международного характера, в то время как доктрина МГП сопротивляется такому признанию из формальных соображений.

Предполагаем, что решение данного противоречия возможно только через признание борьбы с международным терроризмом вооруженным конфликтом международного характера в смысле Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Необходимость такого признания диктуется двумя факторами: во-первых, необходимостью урегулирования права государств на самооборону от атак международных террористов (террористов «внутренних» данное предложение не касается), во-вторых, необходимостью обеспечения выполнения норм международного права прав человека и международного гуманитарного права в ходе борьбы с терроризмом. Остановимся на обоих аргументах подробнее.

А.П. Ладыненко справедливо указывает на распространение нового вида боевых действий – асимметричных войн, что поставило под угрозу всю существующую в западной правовой мысли концепцию международного конфликта¹. Терроризм выступает как один из способов асимметричной войны. С учетом того, что количество и размах асимметричных войн, вероятно, будет возрастать в XXI веке, было бы недопустимым оставить государства без действенного юридического инструмента, который позволил бы им реализовывать свое право на самооборону. При этом, речь идет не о войне против конкретных организаций, а о новых условиях ведения войны как таковой, в которой терроризм выступает в качестве средства ведения войны. В этих новых условиях следует признать, что террористический акт должен рассматриваться как акт асимметричной войны со стороны международных террористических организаций и стран, их поддерживающих, и этот акт дает государствам право на самооборону согласно Уставу ООН.

Такая практика фактически существовала и до терактов 11 сентября, достаточно вспомнить бомбардировки штаб-квартиры иракской разведки силами США в ответ на попытку убить президента Дж. Буша–Старшего. В оправдание своих действий США сослались на ст. 51 Устава ООН, более

¹ Ладыненко А.П. Виды вооружённых конфликтов и применимое к ним право // Альманах международного права. – 2009. – № 1 – С. 136.

того, получили в этом вопросе поддержку Российской Федерации¹. Явление «нелегальной» самообороны, очевидно, существует в мировой политике и не зависит от его урегулированности или неурегулированности нормами МГП. Международное гуманитарное право должно признать это явление и попытаться четко определить его правовыми предписаниями.

Касательно второго аргумента, то признание войны против терроризма вооруженным конфликтом международного характера позволит обеспечить соблюдение минимальных стандартов прав человека в отношении захваченных участников террористических групп и подозреваемых в связях с терроризмом. В этом случае, действия государств, сходные с действиями США на военной базе в Гуантанамо, будут значительно затруднены, поскольку захваченные лица, где бы они ни находились, будут защищаться нормами международного гуманитарного права. Кроме того, появится возможность решить целый ряд актуальных проблем МГП, в том числе, проблему статуса незаконных комбатантов. Добавим к этому и то, что распространение действия МГП на войну с терроризмом позволит точнее квалифицировать определенные акты террора, как нарушение права войны и улучшит возможности для осуждения участников террористических группировок как нарушителей права войны и международных преступников, в том числе и Международным Уголовным Судом.

Полагаем, что принципиальные преграды, делающие невозможным признание войны против международного терроризма вооруженным конфликтом международного характера, отсутствуют. Во-первых, такое признание соответствовало бы духу и целям международного гуманитарного права и способствовало бы гуманизации «новых» вооруженных конфликтов. Во-вторых, представляются обоснованными опасения фундаментальных изменений в международном гуманитарном праве, которые, якобы, должны произойти в случае признания войны против терроризма международным вооруженным конфликтом. Как указывает К. Свинарски, нормы МГП могут применяться как непосредственно, так и опосредованно. Первая ситуация касается международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Вторая – касается случаев внутренних беспорядков и напряженности. В этом случае, существует возможность применения норм МГП по аналогии².

Нельзя не отметить, что применение норм МГП по аналогии в войне с терроризмом является нецелесообразным, поскольку институт применения норм по аналогии четко не урегулирован, а значит, такое применение не приведет к кардинальному улучшению ситуации. Следовательно, единственной возможностью остается непосредственное применение норм МГП. Такое

¹ Черкес М.Е. Использование силы. ... – С. 110.

² См. подробнее: Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты прав человека / К. Свинарски – М.: Международный Комитет Красного Креста, 1997. – С. 23-25.

применение не требует фундаментальных изменений современной системы международного гуманитарного права. Достаточным представляется принятие нового Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, которым любые военные действия, направленные против международного терроризма, признавались бы вооруженным конфликтом международного характера, равно как и акты международного террора признавались бы актами международной войны. Кроме такого принципиального признания, предлагаемый протокол может содержать определение международного терроризма, незаконных комбатантов и другие, но предоставление таких определений будет иметь уже второстепенное значение.

В так называемых асимметричных конфликтах характер действий международных террористических организаций (МТО) вообще несовместим с требованиями права вооруженных конфликтов, поскольку в большинстве случаев объектами нападения является гражданское население и гражданские объекты, более того, террористы не способны, и даже не имеют намерения выполнять условия об отличии себя от гражданского населения. Они не следуют фундаментальным принципам международного гуманитарного права.

В таких условиях можно было бы отрицать необходимость распространения действия МГП на так называемую «войну с терроризмом», исходя из специфики деятельности МТО. В противном случае, они бы наделялись определенными правами с одной стороны, и определенными обязанностями, которые они не будут выполнять исходя из сути организаций и методов их деятельности – с другой. Таким образом, объясняется нежелание предоставлять негосударственным актерам определенный статус, состоящий из прав и обязанностей, на выполнение которых нет никакой надежды.

Такие же опасения и нежелание распространения норм МГП имели место в ходе разработки Дополнительного протокола II, касающегося немеждународного вооруженного конфликта. Государствам в этой ситуации, конечно, гораздо выгоднее и удобнее не связывать себя обязательствами международного гуманитарного права в ходе немеждународного вооруженного конфликта, а считать повстанцев преступниками и обращаться с ними соответственно. Такая позиция, как следствие, влечет злоупотребления со стороны властей государств в ходе, как немеждународного вооруженного конфликта, так и в ходе «войны с терроризмом», чему в истории было немало подтверждений. Власть государства, не связанного обязательствами международного гуманитарного права, может просто «соорудить» нормативную базу, которая допускала бы расправу над такими преступниками, и не исключено, что в таком случае не пострадают ни в чем не повинные люди.

Как показывает практика, ситуация с немеждународным вооруженным конфликтом, в ходе которого также могут применяться террористи-

ческие методы и тактика действий¹, весьма похожа на ситуацию с «войной с терроризмом», правда в меньшем масштабе. В обоих случаях речь идет о борьбе асимметричной и незаконной – с точки зрения национального законодательства – в случае немеждународного вооруженного конфликта, и международного права – в случае «войны с терроризмом».

Относительно позиции непредоставления специального статуса негосударственным актерам, то Дополнительный протокол II четко указывает, что применение этого Протокола не меняет юридического статуса сторон. Это положение лишний раз подчеркивает, что наделение определенным статусом негосударственных актеров в вооруженной борьбе, служит одной главной цели всего международного гуманитарного права – гуманизации военных конфликтов и облегчению страданий жертв таких конфликтов. В случае выбывания из борьбы или по ее окончании, государство должно предать суду всех лиц, принимавших в ней участие незаконно, но именно международное гуманитарное право должно устанавливать гуманные рамки этой борьбы, а также специальные гарантии справедливого судебного рассмотрения уголовных дел с участием указанных лиц. Справедлив этот аргумент и для «войны с терроризмом» – то есть не изменяя и не отрицая преступного с точки зрения международного права характера международных террористических организаций, нужно урегулировать на примере II Дополнительного протокола ведения асимметричной войны – «войны против терроризма».

Деятельность международных террористических организаций, безусловно, останется вне закона в международном праве. Вместе с тем, решение о применении и порядке проведения, а также характер применяемых средств к МТО с юридической точки зрения, не должен быть оставлен на свободное толкование государств, поскольку это влечет нарушение прав и свобод людей, которые защищаются действующим международным гуманитарным правом.

Такие нарушения, несомненно, имели место во время вооруженного конфликта в Афганистане, и, как следствие, после его окончания – на американской военной базе в Гуантанамо Бей на Кубе. Отказ применения норм международного гуманитарного права Соединенными Штатами Америки обусловлен провозглашением «войны с терроризмом», определения которой нет в международном праве, и, как следствие, толкование этого термина, является свободным и неоднозначным. Вместе с тем, возможность применения норм международного гуманитарного права к вооруженному конфликту в Афганистане не вызывает сомнения, однако этого не было сделано именно из-за присутствия в указанном конфликте международной террористической организации.

¹ Хрусталева М. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен. – <http://www.intertrends.ru/two/005.htm>

Отсутствие признания существования международного конфликта с негосударственным актером, которым является Аль-Каида, привело к неприменению ряда норм международного гуманитарного права. Наибольшее беспокойство вызывают непризнание статуса комбатантов, и соответственно гарантий обращения с ними, предоставленных Женевской конвенцией III и Дополнительным протоколом I; нарушение права на судебное рассмотрение законности задержания; гарантии рассмотрения дел компетентным судом; условия заключения; применение пыток; ряд других нарушений, признанных всем цивилизованным миром процессуальных гарантий при рассмотрении уголовного дела.

К вопросу о соответствии террористов критериям статуса законного комбатанта, то в рамках международного вооруженного конфликта, в отношении последних они не имеют никакого смысла, поскольку международные террористы и законные комбатанты – это, по сути, противоположные категории. Вместе с тем, необходимо урегулировать и четко очертить статус незаконного комбатанта. Это необходимо еще и потому, что незаконные комбатанты фактически относятся к категории гражданского населения в смысле права Женевы. Это, в свою очередь, определенным образом дискредитирует само понятие гражданского лица, и негативно влияет на защищенность данной категории.

Общей чертой с немеждународным вооруженным конфликтом является то, что незаконные комбатанты, являющиеся членами международных террористических организаций, будут нести уголовную ответственность за участие в вооруженном конфликте. В то же время, более четко будут урегулированы гарантии обращения с ними в случае их задержания и гарантии справедливого судебного рассмотрения уголовных дел в отношении их участия в вооруженном конфликте.

Международное гуманитарное право на данный момент стоит перед выбором, который навсегда может изменить концептуальный подход к определению видов вооруженных конфликтов. Или война против международного терроризма будет окончательно признана вооруженным конфликтом международного характера, и к ней будут применены нормы МГП, что в сложившейся ситуации представляется наиболее необходимым шагом, либо оно так и будет продолжать занимать позицию «страуса, прячущего голову в песок».

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что любые проволочки в разрешении данного вопроса, а также вероятность разрастания масштабов новых типов войны, в том числе асимметричных войн, может привести к невыполнению международным гуманитарным правом своей основной задачи – гуманизации и смягчения ужасов войны.